

Федоръ Михайловичъ,

Все сдѣлано, улажено и устроено для вашей старушки. Я взяла ей годовой мещанскій пачпортъ, отдала Лопатину для богадѣльни, написала старушкѣ (ктонибудь прочтетъ ей мое посланіе) чтобы она явилась къ³ Лопатину въ Среда, въ городѣ, и онъ ей скажетъ когда ей поступить на спокойную и беззаботную жизнь. Очень рада что это мнѣ удалось, не смотря на всѣ препятствія, но послѣ Бога, она васъ должна за это благодарить.

Я получила ваше письмо и дорого цѣню, его, зная насколько вы не любите писать письма. Прошу васъ однако замѣтить,

// л. 5

(если быть можетъ вы еще этого не замѣтили) что я во второй разъ безпокою васъ чтеніемъ моего письма, имѣя на то предлогъ васъ интересующій до нѣкоторой степени. Будетъ ли таковой еще разъ и когда, не знаю.

Мое лѣто нынѣшній⁴ годъ проходитъ грустно и тяжело. У моей матушки⁵, сохранившей до 81 года, свѣтлый умъ, память и зрѣніе развилась водяная и отнялись ноги, и каждый день вижу болѣе что всякія медицинскія средства бесполезны, но она получаетъ нѣкоторое облегченіе отъ лѣкарствъ Гр. Матеи. Она спокойно говоритъ о своемъ соединеніи со Христомъ, благославляя Имя Его за совершенное Имъ искупленіе. Тяжело смотрѣть на долгое, томительное страданіе близкаго сердцу существа, и бесѣдуя съ ней, мнѣ иногда кажется

// л. 5 об.

что мы вмѣстѣ заглядываемъ сквозь тонкое покрывало туда и что очень призрачная ткань отдѣляетъ видимый міръ отъ невидимаго. Впрочемъ зачѣмъ я вамъ про это говорю, вы сами такъ недавно съ такой жгучей болью въ сердцѣ мысленно переносились туда.

Совершенно справедливо вы мнѣ замѣтили что не слѣдуетъ строго судить никого даже и чиновниковъ въ бѣлыхъ галстукахъ, но почему-то нѣкоторымъ личностямъ ничто бѣлое, какъ-то, бѣлье или галстукъ неприличны, такъ и кажется что имъ это необычно и потому неловко или что на нихъ надѣто чужое. Этотъ господинъ написалъ мнѣ письмо съ *французскимъ* вензелемъ, хотя ни слова иностраннаго не знаетъ, а въ письмѣ аптекарскій счетъ *по русски*. Воля ваша, у насъ, т<.>е. у женщинъ есть духовное чутье, я ни мало его не осуждаю, но это для меня курьезъ въ человѣческомъ образѣ и фрачномъ костюмѣ.

---

¹ Далее зачеркнуто карандашом: Среда 14.

² 1878 г. Год поставлен рукой А. Г. Достоевской.

³ къ вписано.

⁴ Вместо: нынѣшній - было: нынешній

⁵ Вместо: матушки - было: матушкѣ

Кстати, разъ на всегда вы

// л. 6

ничѣмъ меня оскорбить не можете, потому что я знаю что вы этого желать не можете. Притомъ ужасно трудно меня оскорбить, не знаю даже возможно ли это, такъ какъ отъ людей мнѣніемъ которыхъ я не дорожу, ихъ упрекъ или похвала для меня совершенно безразличны, а тѣ немногіе которыхъ я душевно люблю и уважаю никогда этого не пожелаютъ. — На нашей Россіи густымъ слоємъ легла пыль скрывающая отъ глазъ Европы доблестныя раны и теплую кровь уже забытыхъ героевъ. Но эта пыль не національная или вѣрнѣе не народная, это пыль сердобольной опеки, къ которой слѣдуетъ обратить слова: «Отцы, не раздражайте дѣтей своихъ». Этой пыли не зарасти. Явленіе знаменательное на Апраксиномъ Дворѣ!

На долго ли вы ѣдете въ Москву и когда? Рѣшились ли вы на изданіе журнала и къ какому времени явится вашъ романъ?

Душевно уважающая васъ

Ю. Засѣцкая

Новый Петергофъ.

Петербур<г>ская улица № 24.

// л. 6 об.

<На конверте:>

Феодору Михайловичу

Достоевскому

Старая Русса.

собственный домъ.

<На штемפל:>

ПЕТЕРГОФЪ.

10 ЮЛ.

1878

<На оборотной стороне конверта штемпель:>

С. ПЕТЕРБУРГЪ

11 ЮЛ.

1878

НИКОЛ. Ж. Д.